

Размышление над книгой

Essay Review

DOI: 10.31857/S020596060019046-2

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ Г. И. СМАГИНОЙ «“ПОЗНАТЬ НАУКУ ИСТОРИЧЕСКИ...”»: РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА»

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич — Санкт-Петербургский государственный университет; Россия, 199178, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН; Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; E-mail: a.v.malinov@gmail.com

В «Предъизвещении» к «Истории Российской» В. Н. Татищев, перечисляя виды истории, наряду с «историей натуралис», библейской, гражданской и церковной, указывал на *историю наук и ученых*, которая повествует «о начале и происхождении разных знаний, училищ, наук и ученых людей, якоже от них изданных книгах и проч., из которой польза всеобщая происходит»¹. Уравнивая интеллектуальную историю с историей политической и церковной, просветительская программа предусматривала для нее новую форму порядка, к которому сводилось познание: помимо хронологического изложения событий «история наук и ученых» упорядочивалась согласно строю языка, т. е. алфавитно. Лексиконы и энциклопедии стали новой формой знания, в которой находила отражение интеллектуальная история. Дополнением к ним служила *вивлиофика* — периодическое издание исторических памятников. Наиболее известна «Древняя российская вивлиофика», издававшаяся Н. И. Новиковым в 1773–1775 и 1782–1791 гг. Летописная традиция изложения событий, следовавшая по годам и правлениям, не подходила для «истории наук и ученых». Для нее Татищев предложил теорию «всемирного умопросвещения», согласно которой история достижений человеческого духа распадалась на четыре периода, разделяемые тремя событиями: изобретение письменности, учение Иисуса Христа и «обретение тиснения книг». История наук и ученых показывала рост человеческих знаний о мире и развитие нравственных чувств. В середине XVIII в. этот кумулятивный процесс накопления знаний был наречен *прогрессом*. История наук и ученых, таким образом, раскрывала содержание прогресса в трех формах знания: хроники,

¹ Татищев В. Н. История Российская. М.: Тип. Московского университета, 1768. Кн. 1. Ч. 1. С. II.

словаря и вивлиофики. Однако не стоит считать просветительский проект истории наук и ученых исчерпанным. В 2020 г. в Санкт-Петербурге вышла книга Г. И. Смагиной «“Познать науку исторически...”: российская история науки в первые десятилетия XX века»², во многом реализующая просветительскую исследовательскую программу. Конечно, может показаться неожиданным встретить в век выдыхающегося постмодернизма просветительский текст. Однако тому есть несколько объяснений. Во-первых, мы все еще живем в ту же эпоху модерна, которой принадлежит и Просвещение. Во-вторых, Галина Ивановна Смагина — известный специалист по истории XVIII в., поэтому, вероятно, просветительские идеи входят в бэкграунд ее научного мировоззрения.

Итак, рассматриваемая монография фактически включает в себя три книги: историческое исследование, словарь и сборник документов, раскрывающие предысторию современных историко-научных штудий в России, а именно историко-научные программы начала XX в. В книге последовательно рассматривается история академической Комиссии по изданию сборника «Русская наука» (1916), Комиссии по истории знаний (1921) и Института истории науки и техники (1932). Воспроизводится состав комиссий, направление и формы их деятельности, место в структуре Академии наук, их значение в развитии историко-научных исследований, приводится перечень докладов с указанием их публикаций, обзор издательской деятельности комиссий и т. п. Самая большая в книге четвертая глава «“Там был весь цвет интеллигенции...”: участники историко-научных проектов», занимающая полторы сотни страниц, фактически представляет собой словарь, включающий сведения о 371 ученом, принимавшем участие в работе упомянутых комиссий и Института истории науки и техники. Без малого половину книги занимает «Приложение», в котором опубликованы документы комиссий и института из шести архивных хранилищ Москвы, Санкт-Петербурга и Казани (протоколы, планы, доклады, отчеты, записки, письма, рецензии), документы об участии советской делегации на II Международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне в 1931 г. и рукопись П. К. Коковцева «Семитическая филология», предназначавшаяся для сборника «Русская наука». Нет необходимости пересказывать содержание исследовательских глав и приводить перечень опубликованных архивных документов, поскольку они известны из ранее изданных сборников, получивших положительные отклики со стороны специалистов³.

² Смагина Г. И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века. СПб.: Росток, 2020.

³ Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / Ред.-сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб.: Наука, 2003; В. И. Вернадский и Комиссия по истории знаний (к 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского). Сборник статей и документов / Отв. ред. Ю. М. Батулин, ред.-сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб.: Росток, 2013; Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (к 100-летию создания Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): статьи и документы / Отв. ред. Ю. М. Батулин; ред.-сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб.: Наука, 2016.

С внешней стороны рецензируемая монография представляет собой републикацию указанных сборников. Однако сведенные вместе, они дают более целостное представление о первых пятнадцати годах становления и институционализации истории науки в России и ставят ряд новых вопросов, хотя и не всегда прямо на них отвечают. Во-первых, книга отчасти (в первую очередь богатством своего содержания) показывает, что такое институциональная история науки и идеология истории науки. Первым в строгом смысле проектом по изучению истории науки в России стала Комиссия по изданию сборника «Русская наука» (1916), которую возглавил А. С. Лаппо-Данилевский. До начала XX в. в России шло накопление научных знаний. Еще в 1869 г. Н. Я. Данилевский в известной книге «Россия и Европа» сетовал на то, что достижения славянских ученых невелики, но успехи в области науки и культуры, прежде всего в России, полагал он, — дело ближайшего будущего. Уже следующее поколение, к которому принадлежал Лаппо-Данилевский, смогло подтвердить это предположение. Неслучайно его справедливо считают одним из первых историков науки в России ⁴. XIX в. внес в науку историческое измерение. Н. И. Кареев даже называл XIX в. веком истории. Для позитивизма историзм означал отказ от абсолютных форм знания и признание несовершенства знания, которое частично преодолевается на каждом новом этапе. Знание само исторично, его конфигурация меняется от периода к периоду, и не всегда наука доминировала как форма познания и объяснения мира. История науки стала формироваться между идейными полюсами историзма и прогресса. К началу XX столетия история научных организаций в России насчитывала менее двух столетий, а для основной части университетской науки — не более столетия. Обращение Лаппо-Данилевского и его единомышленников к истории науки, как показано в книге, соответствовало общим тенденциям европейской науки того времени. Многочисленные приводимые документы подтверждают известный тезис о том, что история науки неотделима от социальной истории и истории культуры. Начало XX в. в России принято называть Серебряным веком, считая его одним из наиболее ярких периодов расцвета как русской культуры, так и философии. Последовавшие вскоре социальные катаклизмы, казалось бы, потрясли основы самой русской цивилизации, пробудили как творческие, так и разрушительные силы народа.

Можно заметить, — пишут современные исследователи, — что для кризисных исторических периодов, которые можно назвать эпохами мировоззренческих революций, эпохами ломки сложившихся типов мышления, характерно возвращение к метафизической поэтичности философии [...] Можно предположить, что поэтический характер приобретает мысль в ситуации ломки традиции и обыденности ⁵.

⁴ Илизаров С. С. А. С. Лаппо-Данилевский — историк науки // Архив истории науки и техники. М.: Янус-К, 2015. Вып. 5 (14). С. 63—102.

⁵ Лимонченко В. В., Возняк В. С. «Космология духа» Эвальда Ильенкова как свидетельство освободительной работы разума // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. 2021. № 1. С. 20.

На рубеже XIX–XX вв., действительно, можно найти много примеров фантазмагорий и театрального поведения, наклеивающих социальные катастрофы. Однако в этот же период складывается история науки и, надо заметить, именно сциентистское мировоззрение, а не поэтические грезы, оказывается наиболее востребованным впоследствии.

Второй важный момент, который на богатом фактическом материале освещает монография, — это роль лидера в науке. Конечно, и в науке есть свои Моцарты и Сальери, скромные труженики и оригинальные мыслители, понимающие задачи, стоящие перед наукой, и видящие направления ее развития, добросовестные исследователи и карьеристы. Роль и место лидера в научном коллективе рассматривается в книге на примере трех фигур: А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Вернадского и Н. И. Бухарина. Реконструируя содержание первых историко-научных проектов, Смагина характеризует подход Лаппо-Данилевского как неокантианский, Вернадского — как «научный историзм», а Бухарина — как «идеологию научно-технического общества». К сожалению, идейные и философские установки, которыми руководствовались лидеры историко-научных исследований в России, только обозначены и подробно в монографии не рассматриваются. А ведь они во многом опирались на различные образы знания и понимание истины. Так, например, если проект Лаппо-Данилевского ориентировался на Россию как на гуманитарную цивилизацию, какой она была в XIX в. (что определяло и структуру самой науки), то полтора десятилетия спустя Бухарин уже реализует другой проект, исходящий из понимания истины как деятельности, а науки как средства преобразования общества. Привычная неокантианская атрибуция Лаппо-Данилевского может быть дополнена феноменологической интерпретацией его взглядов⁶. Институциональная история не только подчеркивает роль лидера в науке, но и показывает, насколько наука как социальный институт подвержена тем процессам коснения и стабилизации, которые являлись следствием ложно понимаемого стремления к самосохранению и устойчивости. Все-таки наука (это хорошо видно из биографий ученых, приведенных в книге) представляет собой род творческой деятельности, для которой характерен постоянный поиск, выход за границы устоявшихся научных воззрений, а значит, ее «нормальным» состоянием как раз является динамизм, устремленность к новому. Настоящие лидеры это понимают и способны видеть перспективы своей дисциплины (и возглавляемой ими институции) на несколько поколений вперед. Можно назвать историческим везением тот факт, что историко-научные исследования в России в начале XX в. возглавили действительно крупные ученые, люди широко образованные, с многообразными культурными интересами и запросами, а не академические функционеры.

Еще один аспект институциональной истории науки, на который, может быть невольно, указывает книга, — это универсалистские притязания науки и самого ученого сообщества. Если наука и техника становятся средством изменения мира и общества, то главной силой власти становится знание,

⁶ Серкова В. А. Философские истоки методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 5. С. 213–222.

добываемое наукой. Впрочем, властные притязания ученых не означают буквальную реставрацию платоновской утопии. Они лишь говорят о том, что власть должна быть компетентной, т. е. должна уметь слушать и слышать другую сторону (не только в смысле демократических процедур ответственности перед народом как источником власти), опираться на экспертное мнение ученых, а также принимать во внимание ту критику, которую готова предложить корпорация ученых. Главной властью ученых становится власть критиковать саму власть. Трагические судьбы многих ученых, о которых идет речь в книге (прежде всего в словарной ее части), являются следствием монологизма власти и стремления к монополизации знания, которым власть как раз не обладает и потому заменяет идеологией. Такой отрыв власти от знания пагубно сказывается как на самой науке и ученых, так и на государстве. Государство, не способное опираться на знание и компетентные решения, будет опираться на насилие.

Монография необычайно богата фактическим материалом. Я даже думаю, что новые источники, которые потенциально могут быть обнаружены в архивных хранилищах, уже принципиально не изменят ту последовательность событий, которая выстроена в книге. Другое дело интерпретация этих фактов, расширение смысловых контекстов (социального, политического, культурного, биографических, компаративных и т. д.). Здесь автор предоставляет широкие возможности последующим исследователям. Просветительская программа, из которой исходит Смагина, задает очень широкие, можно сказать, мировоззренческие рамки, соответствующие общим установкам эпохи модерна. В монографии заложен первичный слой значений, к которому могут обращаться будущие исследователи, прилагая к нему различные теоретические установки. В этом отношении, уверен, книга окажется востребованной будущими историками науки. Впрочем, это не означает, что автор уклонился от интерпретации тех фактов, которые изложены в тексте и в опубликованных документах. Напротив, в книге предложена простая до изящества схема движения истории науки от самосознания культуры к практическому пониманию знания.

На этом третьем моменте надо остановиться особо, поскольку, как мне представляется, главный тезис книги гласит, что история науки — это «сфера самосознания народа и средство его воспитания» (с. 16). По существу, этот тезис восходит к мысли Вернадского о науке как народном самосознании. В свою очередь, он лишь несколько инверсивно развивает романтическое восприятие истории в качестве науки народного самосознания — популярное в отечественной историографии XIX в. Так понимали историю и западники, и славянофилы. Близкие не только по смыслу, но и по форме высказывания можно найти у М. П. Погодина, С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. О. Кояловича и других историков. В книге этот тезис дополнен просветительской идеей возможности изменения человека посредством воспитания. В XX в. он привел к практикам формирования *нового человека*, а в перспективе — и нового социума. Здесь наука получала свое оправдание в качестве средства преобразования общества. Вероятно, можно несколько поправить исходный тезис: не история науки, а сама наука должна восприниматься как

самосознание народа и культуры. История науки — это лишь ее рефлексивная форма, а главные факты истории — это широко понимаемые культурные события, включающие в себя и достижения науки. В «Философических письмах» П. Я. Чаадаев, как известно, предложил пересмотреть устоявшиеся представления об исторических деятелях и дать им новую оценку. Он полагал, что основными творцами истории являются не законодатели или полководцы, а религиозные реформаторы и пророки, учение которых определяло сознание целых народов и руководило действиями этих народов. Для Чаадаева история была историей убеждений и верований, прежде всего религиозных. Интеллектуальная история, к которой принадлежит история науки, исходит из тех же посылок, что и Чаадаев, только на место религиозных подвижников ставит ученых и деятелей культуры. Иными словами, для «истории наук и ученых» главные исторические деятели — это не военные, политики или бизнесмены, а ученые и творцы культуры. В монографии этот тезис усиливается высказываниями о том, что наука и культура являются «главным фактором национальной идентичности» (с. 16), а история науки выступает «условием культурной самоидентификации народа» (с. 16).

Понимание науки как основы национального самосознания означает, что меняется и сама национальная идентичность. Помимо общегражданской, этнической, религиозной и региональной идентичности решающее значение приобретает идентичность культурная, поскольку наука является частью культуры. Теперь человек ассоциирует себя с определенными наукой, культурой или искусством (их достижениями, открытиями, памятниками, именами). При этом надо признать, что новая модель идентичности, которая обозначена в исследовании, противоречит системе ложных целей и ценностей, навязываемых обществу и поощряемых государством. С точки зрения науки и искусства мир спорта, шоу-бизнеса, паразитические структуры банков и страховых компаний, многоликая сфера медиаций и другие признаваемые маркеры социального успеха представляют собой онтический шум, заглушающий и заменяющий подлинное бытие. Наука и искусство, воплощающие культ истины и красоты, возвращают человека к исконной экзистенции. Они еще сохраняют в современном обществе идеал служения, от которого, к сожалению, отказалось государство, служащее частным интересам людей, стоящих у власти. Оттого из социума вымывается идея блага, которая, например, уже полностью элиминирована из политического дискурса. Наука и искусство в современном секуляризированном обществе и дискредитировавшем себя государстве остаются последними носителями идеи служения. Хотя, надо признать, в рамках активно внедряемого академического капитализма в качестве цели науки начинает восприниматься не постижение истины, а в конечном итоге получение прибыли⁷.

До недавнего времени Россия почиталась как литературоцентрическая цивилизация. Еще в XIX в. писатели подхватили у религиозных подвижников роль духовных лидеров. Ныне экранная культура и «художественная

⁷ См. подробнее: Душина С. А., Камнева А. В., Куприянов В. А., Шиповалова Л. В. Научное лидерство в контексте академического капитализма (российская перспектива) // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 4. С. 50–76.

образованность», как сказал бы А. С. Хомяков, заметно потеснили творцов смыслов. Наука и искусство еще удерживают культуру и общество от рассыпания, еще пытаются сделать мир понятнее и красивее, но не лучше, поскольку государство самоустранилось. Замечательно, что рецензируемая книга, пусть и намеками, поднимает эти вопросы, показывает и подтверждает фундаментальную роль науки в современном обществе. Не столько содержанием, в основном историческим, сколько самим фактом своего присутствия и авторской позицией монография демонстрирует критический потенциал, которым обладает наука.

Последний, четвертый, вопрос, артикулированный в большей степени в «Заключении», говорит о качествах, которыми должен обладать историк науки, о соотношении исторического и естественно-научного знания и т. п. По существу, вся книга посвящена истории профессионализации истории науки, поэтому вопрос о том, кого можно считать историком науки, для автора не является случайным. Это тоже вопрос самоидентификации⁸. В монографии показано, что первоначально к истории науки обращались представители самих научных дисциплин. При этом Лаппо-Данилевский и Вернадский привлекали для разработки истории того или иного научного направления ведущих специалистов в своей области знания. Актуальным остается вопрос и о подготовке историков науки: в рамках каких учебных программ и направлений он должен проходить? насколько необходимо базовое конкретно-научное образование? к какому уровню подготовки надо отнести историю науки (бакалавриат, магистратура, аспирантура)? и т. д. Историки науки, включенные в словарную часть монографии, относятся к периоду становления профессиональной истории науки, т. е. они пришли к истории науки, имея успешный опыт исследовательской работы в своих дисциплинах. Монография презентует плодотворность такого подхода к истории науки и подтверждает тот простой факт, что науку делают конкретные люди, от способностей которых зависит успех самого дела. При этом сложившаяся система управления наукой и институциональная среда собственно к самой науке имеет опосредованное отношение и, надо признать, не всегда благотворное. Но насколько применима такая практика сейчас? Каким образом можно стимулировать историко-научные исследования среди самих ученых? Необходимость истории науки для самой науки не вызывает у Смагиной сомнений. Более того, она пишет, что «история науки как таковая является манифестацией принципа историзма знания» (с. 365), т. е. история науки — это необходимый этап развития самого научного знания. Будет ли этот этап преодолен или продолжен последующими филиациями знания? Насколько история науки востребована самой наукой? Какие научные теории актуальны для подготовки исследователей, а какие безболезненно могут быть сданы в архив? Перейдет ли история науки в разряд

⁸ О профессии «историк науки» см.: *Илизаров С. С.* Рождение, гибель и возобновление профессии «историк науки» // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX века: коллективная монография в трех томах / Отв. ред. Ю. М. Батулин. М.: ИИЕТ РАН; Саратов: ООО «Амирит», 2018. Т. 1: Турбулентная история науки и техники. С. 11–29.

исследовательской экзотики, над которой чахнут архивные чудачки? Все эти вопросы имеют прямое отношение и к рецензируемой книге. Кого из современных ученых за пределами узкого мирка «коллег» или академической номенклатуры, отмеряющей юбилеи почестями, заинтересует эта книга? Отрадно, что автор смотрит на этот вопрос с оптимизмом просветительского прогрессизма и затрагивает столь существенные для профессионального самоопределения ученых темы.

Столетие профессиональной истории науки в России, начальным годам которого посвящена книга, для научной дисциплины срок не большой. Однако сам факт исторического исследования истории науки свидетельствует о завершении процесса ее формирования как самостоятельной области знания. Книга Смагиной уже написана в рамках сложившегося, хотя, может быть, до конца и не эксплицированного парадигмального образа истории науки, в пределах которого решаются конкретные задачи.